

Акуномания

Новые известия - 2002 - 21 мая - с. 7

У знаменитого романиста сразу две премьеры — книжная и театральная

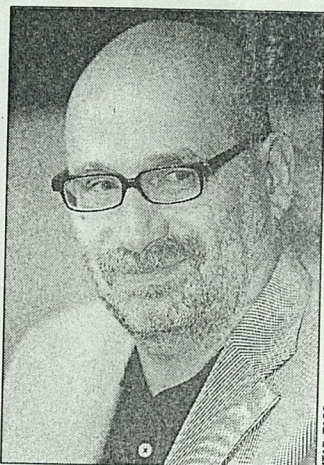
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Если бы в списке номинаций хоть одной театральной премии присутствовала формулировка «За смелость», по итогам нынешнего сезона эту награду непременно получил бы Алексей Бородин со своим «Эрастом Фандориным». Который (Эраст) есть не что иное, как известный всем «Азасель».

Только человек безоглядной отваги мог решиться на постановку детектива, большинством зрителей читаного-перечитаного, да вдобавок в Молодежном, то есть, как ни крути, все-таки детском театре, где даже на «взрослых» премьерах как минимум треть зала составляют школьники — и отнюдь не старших классов. Надо сделать спектакль, интересный взрослому и понятный ребенку; тем, кто досконально помнит сюжет, предложить хоть что-нибудь, помимо сюжета, а главное — надо потратить капризному автору, Борису-Григорию Акунину-Чхартишвили, который в случае недовольства (издателем, режиссером или журналистом) свои «фи» скрывать не привык...

Акунин имеет право на «звездные» взрывы, ибо он и в самом деле звезда. Полное собрание его сочинений выпускается в подарочной упаковке. На протяжении нескольких недель растяжки попеременно центральных улиц возвещали, что 20 мая официально поступит в продажу новый акуниносский роман — «Внеклассное чтение». Одна телеэкранная «Азасель» уже состоялась, теперь ожидается вторая. Чуело чеховской «Чайки», набитое детективными опилками, пылится в репертуаре «Школы современной пьесы». Дожил наконец господин Чхартишвили и до настоящей большой премьеры на настоящей большой сцене, прямо по соседству с настоящим Большим театром. Вышел на поклон, услышал восторженный рев зала, собрал гербарий, в общем, получил те моральные барыши, которые доступны романисту только в том случае, если он переквалифицируется в драматурга.

За театральной премьерой в режиме нон-стоп последовала литературная. «Внеклассное чтение» — это тоже приключения Фандорина, но не Эраста Петровича, сыщика, а его дальнего потомка Николаса, баро-

Отец Фандорина.

нета, выбравшего историческую родину в качестве ПМЖ. С баронетом мы знакомы по «Алтыну-толобасу», прямо скажем, не самой удачной вещице из всего, до сих пор написанного Акуниным. Продолжение лучше начала, но тоже не хай класс. Сюжет разделен на два параллельных рукава, протекающих соответственно по двум разным временам. Главы следуют в порядке строгой очередности: одна повествует о современной России, другая переносит читателя в закатные годы царствования Екатерины Великой. Место действия зачастую совпадает: Акунин повторил эффект гайдаевского «Ивана Васильевича...», где по одним и тем же дорогам — то протоптанным, то асфальтированным — и царская конница с копытами наперевес несется, и «Скорая помощь» сиреной завывает...

Здесь и сейчас довольно-таки неприкаянный, но чистый душой баронет оказался сразу меж нескольких криминальных костров, вокруг него уже здорово пахнет жареным, подстава следует за подставой, чокнутые коммунисты прокладывают путь жестоким отморожкам, а Николай, вылезая из одной переделки только для того, чтобы сразу вляпаться в другую, пытается спасти себя, своих близких (в частности, жену-мусульманку, носящую знакомое имя Алтын) и тех, кто становится близкими в процессе драк и перестрелок.

Там и тогда семилетний вундеркинд Митя Карпов, отмеченный за

свои небывалые способности благорасположением самой императрицы, попадает в водоворот дворцовых интриг, чудом уносит ноги, тоже переживает целый ряд болезненных предательств (в том числе от собственных родителей), однако находит спасителя в лице Даниила Фондорина, бывшего камер-секретаря Екатерины, а ныне мыслителя и отшельника. Дмитрий Карпов, переименованный новым отцом в Самсона Фондорина, погибнет на полях войны двенадцатого года, но до этого, вероятно, успеет вступить в брак и народить детей. Наверное, от этого, в общем-то призрачного члена семьи передалась нашему любимцу Эрасту Петровичу легкость мыслей необыкновенная...

Что касается эволюции фамилии (фон Дорн, Фондорин, Фандорин), Акунин и здесь разложил все свои любимые игрушки, в число коих входит «Чайка»: бастарды, то бишь незаконнорожденные крестьянские отпрыски одного из фон Дорнов, благородной частицы, разумеется, лишены и зовутся попросту Дорнами...

Ясно, что мифический род достиг своего апогея, подарив миру именно Эраста Фандорина. Его многоуважаемые предки и достойные потомки представляют для читателя интерес значительно меньший. К тому же как екатерининскую эпоху, так и новейшую историю Акунин знает приблизительно и неточно. С Екатериной еще куда ни шло: ее последнего фаворита во «Внеклассном чтении» зовут Платоном Зуровым — разница в одну букву сразу отсылает грамотную публику к «Азаселю» (где граф Зуров — персонаж отнюдь не из последних) и снимает с автора ответственность за расхождение придуманного сюжета с историческими реалиями. Значительно печальнее, что и свое — наше — время Акунин учит только по книжкам. По чужим...

В его сознании время равняется языку времени. Речь героев пересыпана криминально-компьютерно-наркологическими неологизмами: словарь составлен педантично, а жизни и воздуха в тексте нет. В свободном владении новоязом Акунин, естественно, уступает литераторам нового поколения; столь плоско стебаться и прикидываться над текущей отечественной действительностью при жизни Сорокина и Пе-

левина как-то даже неприлично; а борьбу фармацевтических олигархов, погоню на «Брабусах» и частную жизнь обитателей Барвихи есть кому описывать, помимо Акунина. Этот рынок давно поделен, создателю Фандорина здесь вряд ли что обломится.

Главная мысль «Внеклассного чтения» практически бесспорна. Сводится она вкратце к следующему: нет времен плохих и хороших, нравственных и аморальных; просто из века в век рождаются на свет люди подлые, алчные, кровожадные, а также нормальные, душевные, порядочные. Соотношение всегда примерно одинаковое. Черные начинают, но белые выигрывают — только по этой причине земля еще вертится. Вот вам итог двухтомного романа, напечатанного в «Олма-пресс» на плохой бумаге, зато удобным для глаза разреженным шрифтом...

В «Азаселе», если помните, вечный моралист Акунин тоже заставлял своего героя, совсем молоденького мальчика, самостоятельно выбирать между добром и злом, да еще преподавал ему жестокий урок: Эраст Петрович не сдержал словечки, и его возлюбленную, Лизхен, прямо в день свадьбы разнесло бомбой на куски. Алексей Бородин, конечно, не опускает воспитательный пафос романа, но и не имеет возможности уделить ему много внимания. Спектакль и так заканчивается в половине одиннадцатого.

С первой же сцены «Эраста Фандорина» понятно, что постановочных изысков не будет, а будет лишь подробное и последовательное изложение фабулы. Всего сцен — около тридцати, и каждую закрывает взрыв аплодисментов. Скупать практически не приходится — действие движется резво, без размазни, сильными, упругими толчками. Заметен, правда, некоторый перебор в песнях-плясках. Танцуют все: сам Фандорин, гибкий, ловкий, складный (Бородин явно решил сделать из Петра Красинова собственного Марселя Марсо), его невеста, граф Зуров... Даже слуга Зурова получил личный плясовой выход. У Красинова еще и голос не душен, так что режиссер заставляет Эраста Петровича исполнить ночью, в лондонской гостинице городской романс «Поседем, красотка, кататься». Эраст в этот момент твердо убежден, что

Эраст и Лиза: часовой механизм уже тикает...

только что убил женщину — отличницу, спортсменку и просто красавицу Амалию Бежескую, посему его вокальные экзерсисы кажутся, мягко говоря, не логичными... Я не говорю уже о резвящихся на сцене детях, чьи кувырки, кульбиты, а также выдаваемый за пение мышиный писк художественной ценности не представляют и попусту затягивают зрелище.

«Азасель» на сцене получился не хуже «Азаселя» на экране, тем более что тот был снят чрезвычайно неряшливо: например, в кадр попал плотный автомобильный поток за решеткой Александровского сада... Художник Станислав Бенедиктов оформил «Эраста Фандорина» минималистски и символически: звенья парковой ограды, столы и стулья разного образца, конторки, ширмочки, двусторчатые двери, мутные стеклышки, оконные переплеты. Равнобедренный треугольник слепящих фонарей в клубах дыма дает прибытие поезда. Дешево и эффектно. На совести обоих — Бородин и Бенедиктов — глупые псевдонатуральные взрывы, от которых вонь по всему залу и головная боль на полноте. Пистонной пальбы в «Эра-

сте Фандорине» тоже с избытком — это, пожалуй, главный недостаток спектакля.

Играют все хорошо, выразительно, живописно. Фандорин здесь очень милый юноша. Может, и не таким мы представляли себе Эраста Петровича, но ведь в «Азаселе» он еще не мистер Совершенство, а просто породистый шен, которому только предстоит блеснуть острым нюхом, умом и статями, а пока он лишь убеждает догонять... Бриллинг (Евгений Релько) внешне интереснее Фандорина, но сыгран без загадки — сразу видно, что двурушник и лицемер. Зуров (Илья Исаев) — непосредственный и смешной. Студент Ахтырцев (Александр Доронин) — стусок темперамента. Амалия (Ирина Низина) успешно поддерживает имидж местной Клеопатры, Лиза (Нелли Уварова) в меру нежна и трепетна, леди Эстер (Нина Дворжецкая) — провинковенна и драматична... В общем, премьеру в РАМТе можно считать удачей. А когда живой классик Борис Акунин попадет в программу обязательного внеклассного чтения, столичные школьники скажут Алексею Бородину отдельное «спасибо».

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Акунин Борис